

КЛАССИКА СТРАНЫ СОВЕТОВ

10 января исполняется 100 лет со дня рождения Алексея Николаевича Толстого. В его необыкновенно богатом и разнообразном творческом наследии прежде всего выделяются монументальная трилогия «Хождение по мукам», художественная летопись революции и гражданской войны, и исторический роман «Петр I» — классические произведения социалистического реализма.

«Когда мы отмечаем дни памяти Алексея Толстого в нашей стране, богатой талантами, сверхающей именами крупных индивидуальностей во всех областях человеческого духа, — эти дни нельзя чувствовать, нельзя чествовать иначе как праздничными. — писал Константин Федин. — Родился, пришел в нашу жизнь поэт многостороннего, полнокровного дара, человек щедрой и вольной души, художник чуткого слуха и точного зренья».

Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР готовит сейчас к печати сборник «А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования» (редактор — А. М. Крюкова). Помимо статей и сообщений, сборник включает архивные материалы, впервые вводимые в широкий читательский и исследовательский обиход. Некоторые из этих материалов, подготовленные А. М. Крюковой, Е. Ю. Литвиной, Г. П. Трефиловой и А. И. Хайловым, мы предлагаем сегодня вниманию читателей «Литературной газеты».

Из того, что мы видим, создаем лишь малую долю, а запоминаем ничтожную часть этой доли, но нам дана мечта, которая по этим обрывкам воспоминаний восстанавливает мир.

26 марта.
Приветывал сейчас листы 2-й части романа, пропущив ошибку, думаю, что это повредит впечатлению. Интересно бы настольно познать свою вещь, чтобы прочесть, как новую. Так, я забыл «Аггей Корвин» и, читая, почувствовал очень ясно (как никогда) все достоинства и недостатки.

Странно и трудно писать дневник, нужна привычка к безощенному неточному мыслен. Кажется, всего полезней будет заносить встречи, факты и наблюдения. Так и поступаю...

30 марта.
Вчера вечером заехал ко мне Чуковский, как всегда, дрыгаться и мечась

др.; несколько позднее эти впечатления будут использованы в другом, сатирическом, контексте (в повести «Хождение Невзорова, или Ибисус») и, наконец, они в значительной части войдут в роман «Хождение по мукам», главным образом во вторую его книгу — «Восемнадцатый год».

В дневник попадали отнюдь не все факты и события, а лишь те, в которых был элемент обобщения. Реалии жизни, возникавшие перед глазами писателя, подвергались не только отбору, но и мгновенному анализу и оценке.

Нетрудно заметить, что в поле зрения писателя находились в основном социально-политические события: факты быта если и попадали в дневник, то лишь по контрасту или по соответствию этим событиям.

При всей сложности идеологической позиции Толстого в годы революции паразитизма художника-наблюдателя писателя, давшая ему возможность преодолеть многие трагические испытания личной и творческой судьбы. Прочитаем первую запись дневника о событиях революции: «У Нахичкина за ужином Ююшина: «Господа, я говорю — побольше впуска!» (о революции)».

Толстой, как видим, иронически воспроизводит реакцию мелкобуржуазных представителей общества на события

К 100-летию
со дня
рождения
Алексея
Толстого

Возвращались по Молчаповке. Солнце стояло в конце улицы. За деревянным забором дерево, и заодно, как уже на голых ветвях набухли почки. Я подумал: прошла война, прошла революция, вся Россия стала уже не та, а дерево распускается так же, как прошлой весной, как много лет назад. И это дерево, и вся природа отошли от меня, от всех людей в странную даль и там живут своей, непонятной нам жизнью. Человек оторвался от природы. Забыл природные и вечные законы, и выдумал законы свои, и сейчас осуществляет их и гибнет, потому что только в одном человеческом нет правды.

ИЗ ПИСЕМ
А. Б. ХАЛАТОВУ

Артемий Багратович Халатов — в то время председатель Объединения государственных издательств.
17 декабря 1931 г. «Детское Село»

Зав. ОГИЗом тов. Халатову.
[В сентябре этого года]

Горький настоятельно советовал мне теперь же, в начале 1932 года, приступить к написанию второй части романа «Петр I». Сознывая всю [политическую, историческую и художественную] ответственность этого романа, М[а]ксим[ов] Г[орький] предложил мне начать работу над этим романом в Сорренто, где я буду находиться в постоянном общении с ним¹⁰. Я принял это предложение.

В январе корпус Белова прорыв «аэсы» в глубокую тьму. Впереди эскадроны, за ними орудия, обозы. Прорубают дорогу.

ИЗ ПИСЕМ
А. Б. ХАЛАТОВУ

Артемий Багратович Халатов — в то время председатель Объединения государственных издательств.
17 декабря 1931 г. «Детское Село»

Зав. ОГИЗом тов. Халатову.
[В сентябре этого года]

Горький настоятельно советовал мне теперь же, в начале 1932 года, приступить к написанию второй части романа «Петр I». Сознывая всю [политическую, историческую и художественную] ответственность этого романа, М[а]ксим[ов] Г[орький] предложил мне начать работу над этим романом в Сорренто, где я буду находиться в постоянном общении с ним¹⁰. Я принял это предложение.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ
ОБРАЩЕНИЕ К УЧИТЕЛЯМ

«Июль — август 1941 г.»
Товарищи учителя!

Тысячи школ скоро раскроются перед детворой. В трудное и напряженное для родины время начинает школа свой новый учебный год. Грозная година полыхает пожарами над русскими городами и селами. И, может быть, в душе многих из вас прямо шевелятся думы — не о букварях и арифметиках, а об увесистой партизанской гитаре.

— То ли я делаю в грозный час нашествия врага?

То самое, товарищи учителя! Ваше слово, ваш труд формируют миллионы человеческих характеров. Вы первые озаряли сознание терпеливых бойцов Красной Армии немеркнущими идеями правды и добра, привили им высокие понятия долга и воинской доблести. И ныне, возмужавшие, они сильны вашим делом и в дыму сражений с благодарностью вспоминают о вас.

Товарищи учителя! Пусть первое ваше слово будет посвящено святой нашей Родине, бессмертному русскому народу нашему, народу-герою, народу-богатырю!

Оглянитесь назад! За вами бессмертная история народа, за вами русская литература, за вами Суворовы и Пушкины, безвестный автор «Слова» и Лев Толстой. Недаром Горький как-то заметил о том, что вся русская литература — от Аввакума до Льва Толстого исполнена просветительным, глубоко учительственным духом.

Будьте достойны вашего высокого звания!

Будьте одержимы великой ненавистью к врагам. Внесите неугасимый ее огонь в сердца наших детей!

Будьте горды за наш великий народ, героически противостоявший нашествию фашистских орд. — и пусть любовь и гордость за русский народ станет любовью и гордостью наших детей, силой их молодой души, силой их грядущих дел!

ПРИВЕТСТВИЕ
ЛЕНИНГРАДЦАМ

«7 ноября 1944 г.»

Воины, бойцы и офицеры Ленинградского фронта, моряки Краснознаменного Балтийского флота, рабочие и работники ленинградских заводов и все трудящиеся Ленинграда, горячо приветствую вас в великий день Октября.

Октябрь дал нам невиданную мощь в обороне и наступлении. Октябрь открыл перед нами дорогу в неизмеримо богатое будущее. Да здравствует Ленинград, на площадях которого впервые звенели знамена Октября.

Неуязвимой славою звучат имена защитников Ленинграда. Вы преодолели голод и холод, огонь и сталь. Вы заставили немецкого хищника, уже дышавшего на город смертным зловонием, обломать зубы о ленинградский гранит.

Ваша стойкость и отвага вписали лучшие страницы в великую историю России. С гордостью будем вспоминать о вас потомки. К берегам Балтики, к морям путем в мир, пробивался Иван Грозный. На балтийский берег твердо ступил Петр. В самую страшную из годин вы удержали выход в Балтику и не отдали врагу священных берегов. Вам, защитникам, будет салютовать каждый советский корабль, отплывавший в просторы океанов.

С каждым новым ударом Красной Армии по врагу — война быстрее приближается к концу. Победа, может быть, ближе, чем это представляется...

Наша победа, наверно, не была бы возможна — не устоял в тот страшный срок первый год героический Ленинград.

Низкий вам поклон, ленинградцы!

Публикацию подготовила
А. М. КРЮКОВА,
научный сотрудник ИМЛИ
имени А. М. Горького АН СССР

ИЗ ПИСЕМ
И. Ф. АННЕНСКОМУ

Письмо А. Толстого, в ту пору совсем молодого писателя, является ответом на отзыв о его творчестве поэта Иннокентия Анненского (1856—1909). Существенно отметить, что, разглядев собственное, тогда еще не во всем четкие художественные взгляды, Толстой настойчиво выводит мистицизм за пределы своей эстетической системы.

«1909 г.»
Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович, я был очень обрадован Вашим вниманием и похвалой, упреки же считаю заслуженными, но причину их в большинстве случаев я уже пережил.

К мистицизму принудить себя не могу, к реалистам не хочу, но себя бессознательно, что стоит на грани между ними, берег реальный образ и окрашивает его не мистическим, избави бог, отношением, а тем, чему имени не знаю.

Есть что-то в слове, в обаянии созвучий, что восхищает и само рождает образ, за секунду перед тем не существовавший.

Я никогда не мог описать виденного, всегда казалось, что описанное — плохая копия прекрасного.

Фантазия же рождает мне оригинал. То же и в прозе — все виденное когда-то, словно мельчайшие зерна, складывается в новые сочетания и тогда только радует.

Как же имя этому? Это относится к одинаковому доверию и к реальному и к вымышленному, перед лицом его все живет, таково и отношение к современности, я никак не могу найти ряда моих символов для внешнего дня, облекать пережитое вчера в формы искусства.

Древность же окрашена в прекрасные цвета, и легко брать от нее то, что пришло по душе, по плечу. И лирические переживания тоже облекаются в старые беджи, и, желая, не могу натануть на них фраза — ложь.

Простите, что написал так сбивчиво... Но вызвано было Вашими словами о мистицизме; он, может быть, как начало несознание, окрашивает древность, но никогда древность не проходит сквозь его призму, в этом не грешен.

Помню только, что 2 1/2 года тому назад, когда я начал стихи, было желание уверовать в бога или хотя бы черта, во что-нибудь непонятное, чтобы видеть не отсветы закатного солнца, а края ризы или пролиное вино или т. д. Крайне стыдно было лгать. А потом сама собой изменилась точка зренья... Уважающий Вас гр. А. Н. Толстой

ИЗ ДНЕВНИКА 1911—1914 гг.

Материалы этого дневника охватывают тот период, когда уже утвердился в литературе своим заволжским циклом писатель пробует силы в романе «Две жизни», «Красной барине», работает над рассказами и повестями («Неверный шаг», «Приключения Растигина», «Барон» и др.), выступает как драматург. Дневник отражает личные и творческие связи писателя, его дружеские отношения с Максимом Волошиным, общении с Вячеславом Ивановым, Валерием Брюсовым, Георгием Чулковым и другими художниками, в той или иной мере разделявшими принципы символизма. Вместе с тем дневник свидетельствует о глубоком и органическом для Толстого интересе к реалистическому искусству. На это указывают не только записки и рассказы, повести и романы (в частности, обширная запись о событиях революции 1905 года в Москве), но и записанные в дневнике творческие контакты с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Дневник содержит большое число фактов и острейших наблюдений. Здесь эпизоды и сценки из народной жизни, здесь и жизнь русских и зарубежных литераторов и художников — в Москве, Петербурге и Париже; был воложинского Коттеджа, русская провинция, Кавказ; упоминания, более характерные для творческих постановок, артистичнее; тонко подмеченные черты писателей, художников, музыкантов, артистов...

Из этого дневника мы приводим первые записки, рассказывающие о встрече Толстого весной 1911 года с В. Г. Короленко, его другом Н. Ф. Анненским, братом поэта, и К. И. Чуковским.

ИЗ ДНЕВНИКА 1917—1931 гг.

Реальные впечатления, зафиксированные в этом дневнике, прошли в творческом сознании писателя несколько этапов: тот пласт жизни, который запечатлел Толстой по горячим следам событий, будет включен в оспариваемый, творчески преображенный виде в произведениях, написанные одновременно с этими дневниковыми записками (рассказы «Милосердие», «Простая душа», статьи «Ночная смена», «На острие» и

ХУДОЖНИК ЧУТКОГО СЛУХА
И ТОЧНОГО ЗРЕНИЯ

1917 года, в которой за амбициозностью сыграл страх и растерянность.

Писатель продолжил анализ этой психологии в своих публицистических выступлениях октября—ноября 1917 года, в которых с гордым сознанием, милосердием, добром русскому человеку, вне классового сознания и часто теперь без всякого сознания» просвечивало то же настороженное, космическое, первичное художественное видение этой психологии (в рассказе «Милосердие», 1918) содержал уже осознанную критику российской либеральной интеллигенции «на свете октябрьского зари»...

Реальные события жизни воспринимались писателем в одном ряду и в связи с природой, миром, космосом. Идет ли дождь, шумит ли деревья, светит ли солнце, кричат ли птицы — весь живой и неживой мир активно участвует в человеческой жизни. Космический ответ падает на происходящее и многое в нем проясняет.

1917—1918 гг.
В Иваново поехали на поляну, где пни. Солнце уже закатилось. Небо по-прежнему желтовато-розовыми тучами, низкими и мягкими. Высокие, тонкие березы, и тончайшие кружево листьев соевое черное. Низко между стволов длинная полоса выветшенного заката. Пролетела бесшумно птица между ветвей, должно быть, козодой. Тишина. Упало несколько капель дождя.

После дождя, когда уже выглянуло солнце, уходящие тучи внезапно обратились в мокрых крышах синими грозовыми тучами. С высоты пятого этажа казалась, что город стал зловонным.

Над пустыем и темным переулком с высокими домами стоит луна и кажется не особенно далекой и сиротливой.

Низкое солнце на самом закате ударило в мокрые березы, и зеленые их потемнела, насытились, а зади еще более гребным стало сияло, покрытое тучами туманом. Это было в Антоново на косогоре.

Искусство — отстоявшееся вино жизни. А что же я поделаю, когда вино вазаламучено и бродит, когда сам черт не разберет, что это — дерть или мед?

...Заседание домового комитета. Охрана дома. Говорят входе: «Я бы хотел поставить вопрос (об охране черного хода) в более узкие рамки и в иной плоскости». Удалили дам, чтобы те не путались. И, оставшись одни, мужчины решили собрать по рублю для швейцара и выдать ему, чтобы стучать, если полезут грабители!»

...Смотрели с балкона — Кремль, башни, колокольни, громада двора с плоским куполом и шпилем... На колокольне Ивана В[еликого] засияло солнце, тучи раздвинулись над городом... Ближе красные прямоугольные домов, крыши. Весь город полон звуков... Голоса, собачий лай, поет петух... Ухание, треск автомобильной. Негромко шелкают выстрелы, и вдруг рывчат пулемет...

...Странная жизнь: восстания, убийства, борьба за власть, декреты, голод, война, а жизнь — простая, ежедневная идет, как шла, — ходят в театры, интересуются искусством, читают лекции, собираются, устраивают выставки, танцы, ездят ржаными — наперекор всему, и в этом несокрушимом сила жизни, которая все поглотит и сделает все так, как надлежит быть.

Анархисты заняли дом Цетлинных. Бомбы, вино. Заняв, ходили в баню, возвращались с узелками. Грозил, что взлетит вместе с домом. Обещали перерезать всех буржуев на Поварской. Выдали фрак и сюртук, а штаны удержали.

Мотив: холодное, плохо освещенное, очень высокое кабре. От табачного дыма — мгла. Чай и кофе без сахара. Входит газетчик, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. К ночи дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, покоченные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимаются спор о вещах почти космических...

Анархисты заняли дом Цетлинных. Бомбы, вино. Заняв, ходили в баню, возвращались с узелками. Грозил, что взлетит вместе с домом. Обещали перерезать всех буржуев на Поварской. Выдали фрак и сюртук, а штаны удержали.

Мотив: холодное, плохо освещенное, очень высокое кабре. От табачного дыма — мгла. Чай и кофе без сахара. Входит газетчик, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. К ночи дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, покоченные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимаются спор о вещах почти космических...

Мотив: холодное, плохо освещенное, очень высокое кабре. От табачного дыма — мгла. Чай и кофе без сахара. Входит газетчик, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. К ночи дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, покоченные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимаются спор о вещах почти космических...

Мотив: холодное, плохо освещенное, очень высокое кабре. От табачного дыма — мгла. Чай и кофе без сахара. Входит газетчик, кричат о гибели России. Афиша о выборе короля поэтов. К ночи дует. Входят мокрые от снега. Сидят бездомные беженцы, покоченные барышни, голодные писатели. Дома делать нечего. Сидят часами. Иногда поднимаются спор о вещах почти космических...

шой, изящный, под рукой картонный секрестер с рукописями.

17 июля 1914 года в день объявления войны — Россия с севера на юг прорезала тень солнечного затмения¹¹.

Когда работаешь над рассказом и он идет удачно, то такое чувство весь день, что под сердцем горячо.

Мировой величии прозрачные произведения будут тогда, когда писатель с такой же горячностью будет переживать самое движение в рассказе, а не состояние, что делает партитуру второстепенной.

Разговор с Белым ночью в пустой квартире. Чехлы. Огромные диваны и буфеты. На столе клена, чашка с творогом, несколько кувцов сахара в жестянке, мед в горшке, старенький самоварчик.

Вот так вся наша жизнь в пустой квартире с чехлами и небольшой чемаданич.

Рассказывал, как он жил в Берлине с женой, слушал Штейнера. Освободил себя от всех наслоений культуры, ума, знаний, теорий.

Жизнь представлялась неверной, случайной, слепой, на грани какой-то катастрофы. Жили в ожидании катастрофы. И вот теперь он — приговорен к испытаниям, то, что происходит, не неожиданность. Я сказал, что раньше вся жизнь строилась на смерти, теперь на жизни. Стержень иной, но когда и как во мне произошла эта перемена — не помню.

1923—1931 гг.
Идея бессмертия.
Идея счастья.
Идея борьбы.

Когда Ленина опускали в могилу, Москва и Петроград ревели и рыли. Ветер. Мороз. Костры. Толпы.

Хорошо вернуться в земные сумерки, топится печь. Зажечь лампу на письменном столе. Строго. За окнами зияющая тишина.

На Каспийском море. Бледно-апельсиновая цель заката, кое-где прикрытая прозрачными клубами тумана. Печальный отблеск моря. И кажется, там — где вечерняя зоря — ясно проступает очертаение берега. Это земля — счастья. О ней пел кумук, играл, играл на трехструнной гитаре. Пел о любви с печальной и сладкой безнадельностью.

Мир есть — чудо. Пробудиться ото сна и оглянуться — чудо. Вот отчего такая радость пробуждения у ребенка. Познание не отдельных элементов и законов, а всего чуда в совокупности — искусство. В нем — глаза пробудившегося ребенка.

...Большевизм — это желание сделать мир — чудом...

Тема пьесы. Новое в человеческой психике: народ, вырастающий в 3—4 года из каменного века в век электрификации, относительности, диалектического мышления, воздушных сообщений, радиоволн и социализма.

Опрокинуто прежнее понимание медленной эволюции. Русская пьелетка — единственный феномен в истории человечества.

Тема: Новое в устройстве человекеского общества, — в политическом,

[Кроме этой работы] пребываю в гостинице и решил воспользоваться для того еще, чтобы устроить печатание на немецком языке моего романа «Черное золото» и привести в порядок деловые дела, с тем чтобы поговор в валюте не поступая в кармане литературных спекулянтов, но переводился в СССР. Авторский гонорар может составить немалую сумму.

На основании всего изложенного прошу тов. Халатова подействовать мне в разрешении выезда в Сорренто.

В ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

3 июля 1933 г. «Детское Село»

Товарищи, по поводу издания ГИЗом классиков — соображения мои таковы: цель издания одиотомников в настоящий момент в том, чтобы дать читателям и [писателям] кругам молодых писателей обзоры словесного искусства.

Под этим углом зрения и нужно составлять одиотомники. В первую голову нужно выпустить прозу: 1) Пушкина [2 тома] — «Повести Белкина», «Капитанскую дочку» и письма (непрерывно). Лермонтова, Льва Толстого (рассказы), Лескова, Чехова, Бундина (периода 1905—1914 гг.), Салтыкова-Щедрина, 1 том (альманах) пьес Гоголя, Грибоедова, Островского, Сухово-Кобылина, Льва Толстого, Тургенева.

К. И. ЧУКОВСКОМУ

11 мая 1943 г., Москва

Дорогой Корней Иванович, спасибо за отзыв о «Хождении по мукам»¹¹. Я счастлив, что книга производит именно такое впечатление. В этом весь смысл современного искусства, — в такое отчаянное время, как наше, — изыскание реальности корней нового Нового Завета. Самому мне не судить, конечно, о качестве и значении «Хождения по мукам», но я вижу, как читатель воспринимает то добро, о котором мне хотелось рассказать в романе. За это добро я немало претерпел в свое время и очень счастлив, что оно восторжествовало, оно живо в нашем народе и к нему мы стремимся.

Мне очень хочется, чтобы Вы написали о романе и в Америке и в Англии... Ваш Алексей Толстой

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК
1941—1942 гг.

События, отмеченные Толстым, охватывают период с осени 1941 года до июня 1942 года и составляют лишь один из эпизодов, которые в конечном счете определили успех битвы под Москвой. Он известен как ряд конинов П. А. Белова по тылам противника.

Толстой одним из первых, по своим сведениям, зафиксировал имена тех, кто отличился в боях, а впечатления солдат и командиров корпуса использовал вскоре в своих выступлениях, прежде всего в «Рассказах Ивана Сударева».

Привал на Оке. Франфорове небо. Липы. Глазю через красные метелки. На той стороне — лошади обмахиваются хвостами. К<расноармей>цы кулаются. Вдали в синеватой куще — старый барский дом с прирудой — двумя <нераз> башнями.

Березовый лес без вершин, издали себеряный.

Черная Нара. Мина. Дети. Всюду на работах девушки. Остыв нем<ских> танков.

Вечно весенний шум березового леса. Всюду дорожные отряды. Варят гудрон.

Старая женщина на шоссе, большие молчаливые глаза. В темном.

«Две жизни»
Сборник А. Толстого (1910 г.).

В. И. Анненский-Кривич, поэт.

Описывая встречу с Анненским и Короленко, Толстой мало что говорит о себе. Между тем, как вспоминает Чуковский, Толстой привлекал внимание присутствующих как талантливый рассказчик. «Короленко слушал его с большим интересом и от души смеялся его выдумкам. А когда гость, очень довольный собой, ушел, Короленко сказал о нем кому-то из близких:

«Яблоко отличного сорта, крупное, но еще очень зелено. Если дозреть да не заведется в нем червь, выйдет чудесный плод».

В этой записке, сделанной, очевидно, летом 1917 года, отразились более ранние впечатления, на даче в деревне Иваново (под Москвой) Толстой жил в мае—июне 1915 года.

Эта и следующая запись сделаны летом 1917 года. В Москве, в доме № 8 по Малой Молчановке, на пятом этаже, в квартире № 19, Толстой жил с февраля 1917 г. по август 1918 г.

В деревне Антоново на Оке Толстой жил в мае—августе 1918 г.

Запись использована в повести «Хождение Невзорова, или Ибисус» (1924).

Создавая художественный образ Толстой объединил разновременные события.

Толстой пробыл в Сорренто у Горького с 23 марта по 18 апреля 1932 года. В письме к Толстому (начало мая 1943 г.) Чуковский писал: «И то, что Россия могла в эти годы создать такую щедрую, могучую и, главное, оптимистическую книгу, тоже говорит о ее неиссякаемой силе».